

Х.А. Гаджиев

**ФОРМИРОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИНСТИТУТОВ В
ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ
ПЕРИОД: МЕСТО И РОЛЬ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Аннотация

Статья посвящена исследованию влияния политической культуры на трансформирующуюся политическую систему в целом и на формирование политических институтов – в частности. Неоднозначные результаты политических транзитов последних десятилетий актуализируют вопрос исследования столь многогранного и важнейшего явления, как политическая культура. Несмотря на все предпринимающиеся попытки ряда исследователей подвергнуть сомнению значимость политической культуры, этот концепт по-прежнему эффективно работает в теоретических построениях и, что еще более важно, во многих случаях является единственным адекватным и репрезентативным инструментом анализа политической практики. В статье предпринята попытка выявления основных потенциальных угроз в трансформационный период и разработки действенных рекомендаций для их предотвращения. По итогам исследования, автор приходит к выводу о необходимости учета политической культуры при формировании новой институциональной структуры в период политического транзита, а также соблюдения баланса между осуществляемыми модификациями и преемственностью. Только в этом случае возможна максимизация вероятности успешной адаптации новых институтов и поддержание стабильности политической системы.

Ключевые слова:

политическая культура, политические институты, институциональный дизайн,

K. Gadzhiev

**FORMATION
OF POLITICAL
INSTITUTES DURING
THE TRANSFORMATIONAL
PERIOD: THE PLACE
AND ROLE OF
POLITICAL CULTURE**

Abstract

The article is concerned with research of political culture's influence on the transformable political system in general and on formation of political institutions – in particular. The mixed results of political transits of the last decades make actual the research question of such many-sided and most important phenomenon as political culture. For all that undertaken attempts of a number of researchers to cast doubt on the importance of political culture, this concept continues to work effectively in theoretical constructions and that is even more important, in many cases it is the only adequate and representational tool of the political practice's analysis. The article has a bash at identification of the main potential dangers during the transformational period and at development of efficient recommendations for their prevention. Following the results of research, the author comes to conclusion on the need for accounting of political culture when designing a new institutional design during political transit, and also maintenance of the balance between the performed modifications and succession. Only in this case the maximization of successful adaptation's probability of new institutions and maintenance of the political system's stability is possible.

Key words:

political culture, political institutions, institutional design, institutional environ-

институциональная среда, политическая система, политическая трансформация. ment, political system, political transformation.

При изучении обществ переходного типа неминуемо встает вопрос об изменениях в институциональной среде и эффективности новых институтов. Политический институт - это важнейшая структурная единица любой политической системы. Сам термин «институт» довольно широко используется в общественных науках и имеет различные интерпретации, зависящие от той или иной области знания [23, с. 1]. Вслед за Д. Нормом, будем исходить из того, что институты – это, своего рода, «правила игры», укоренившиеся в том или ином социуме, служащие в качестве ограничительных рамок, посредством которых организуются взаимоотношения между людьми [10, с. 17-19]. При этом институты – это не только правила, но также и механизмы, обеспечивающие выполнение этих правил и нормы поведения [9, с. 73]. В политической науке общепринято выделять три основные ипостаси рассматриваемого понятия: во-первых, институты как политические установления; во-вторых, институты как политические учреждения; в-третьих, институты как устойчивый тип политического поведения [7, с. 10].

Процесс формирования новых политических институтов и преобразования прежних имеет важнейшее значение в трансформирующихся странах. Опыт посткоммунистических государств достаточно ярко продемонстрировал определенные проблемы в данной области. В частности, трансформирующиеся государства сталкиваются с невозможностью функционирования заимствованных институтов в максимально близком к «образцам» формате. Они порой приобретают абсолютно новые черты, не свойственные самим «образцам». Более того, эти характеристики могут даже противоречить самой идее и «духу» политического транзита.

На наш взгляд, решение данной проблемы стоит искать не в качестве самих заимствованных институтов и, даже, не в идее трансформации, а скорее в том, каким образом осуществляется трансформация. Посредством простого копирования «чужих», эффективно функционирующих в развитых обществах институтов невозможно достигнуть аналогичных результатов в трансформирующемся государстве. Транзит, осуществляемый таким образом, может привести не только к тому, что новые институты не смогут полноценно выполнять возложенные на них функции, но также и к тому, что образуются нерегулируемые сегменты общественных отношений, которые впоследствии будут «заполнены» неформальными институтами.

Неформальные практики представляют собой принятые обществом неписанные установления, создающиеся вне официально санкционированных каналов [16, с. 192]. Такие институты, как правило, формируются естественным образом, в ходе общественного развития [10]. Проблема неформальных институтов свойственна практически всем трансформирующимся обществам, особенно на начальных этапах переходного периода. В нередких случаях они даже больше влияют на политический процесс, нежели формальные институты. Это происходит обычно в тех политических системах, в которых нововведенные институты не смогли полноценно адаптироваться.

Отметим также, что сам процесс институциональных трансформаций и адаптации формальных институтов может занимать достаточно длительный период. Соответственно, повышается вероятность усиления роли неформальных практик [14, с. 87-88].

Уровень доверия общества к новым формальным институтам во многом зависит от эффективности их функционирования [21, с. 15], а также степени вовлеченности неформальных институтов в политический процесс. Чем более активно власть задействует именно формальные институты, тем выше уровень доверия. Кроме того, это благоприятно влияет на процесс их адаптации.

При этом важно понимать, что в переходный период, даже при самой успешной трансформации и адаптации формальных институтов, невозможно полностью исключить функционирование неформальных институтов. В этом смысле, следует согласиться с В.Я. Гельманом, который отмечает, что процесс интеграции и адаптации еще не устоявшихся формальных институтов в новой институциональной среде и, как следствие, не имеющих механизмов самоподдержания, приводит к их определенным дисфункциям. В результате образовывается некий вакуум власти, впоследствии заполняемый неформальными институтами. Процесс функционирования последних продолжается до адаптации нововведенных институтов и достижения ими необходимой устойчивости для полноценного функционирования. Правда, в том случае, если не происходит их успешного приспособления, неформальные институты могут и вовсе, упрочив свое положение, укорениться [5, с. 7].

Также стоит заметить, что не исключен сценарий, при котором функционирование неформальных институтов может, в некоторой степени, положительно повлиять на процесс интеграции формальных институтов в поли-

тическую систему, вследствие «создания или усиления стимулов для соблюдения формальных правил» [6, с. 89].

Тем не менее, несмотря на возможный позитивный эффект в период трансформации, вряд ли можно расценивать неформальные институты как положительное явление. Более целесообразным представляется стремление к минимизации доли неформальных практик в политическом процессе и их своевременное искоренение путем максимально быстрой адаптации новых формальных институтов. Для этого необходимо, чтобы институциональные заимствования осуществлялись с учетом собственного исторического опыта и ментальных особенностей общества. В этой связи, Е.Б. Шестопал справедливо отмечает, что цель и средства транзита должны быть адекватны «той почве, на которой он происходит», а новые институты должны отвечать традициям и политической культуре общества [18, с. 28].

Соблюдение данного условия при осуществлении политического транзита на практике, отчасти, проявляется в ретранслировании функциональных характеристик прежних институтов. Это в значительной степени объясняет, например, тяготение российского общества к наличию сильного лидера, занимающего высшую ступень властной иерархии.

Так, на протяжении всей истории российского государства сохранялась единоличная власть, которая называлась по-разному: царь, император, генсек [11, с. 16]. Попытки изменить эту «формулу» в апреле 1991 года, когда был учрежден институт президента РСФСР, не увенчались успехом. На тот момент предполагалось отведение новому институту республики весьма ограниченных законодательной властью функций. По большому счету, была предпринята попытка учреждения формы правления очень близкой к классической президентской республике, в которой президенту отводилась бы роль главы исполнительной власти. При этом законодательно были заложены механизмы, предполагавшие возможность существенного влияния представительной ветви и на исполнительную власть. Первый президент России с самого начала не стал мириться с отведенной ему ролью и неоднократно выходил за очерченные институциональные рамки. Всё это, как известно, вылилось в октябрьский кризис 1993 года. В итоге, был принят новый Основной закон страны, поставивший институт президента на более привычное место: он стал центральным звеном политической системы. Таким образом, вернулся статус и значение единоличной власти, обретая при этом новую, отвечающую современным реалиям форму – институт президента.

Но главный вопрос состоит в том, почему Б.Н. Ельцину удалось за такой короткий срок и настолько просто изменить политическую систему, выстроенную в России после распада СССР, а российское общество, в свою очередь, «приняло» эти изменения? На наш взгляд, ответ зиждется именно в особенностях политической культуры российского общества. Без указанного фактора представляется достаточно сомнительной возможность подобного развития событий.

Другими яркими примерами влияния политической культуры на формирование новой институциональной структуры могут служить прибалтийские страны, в которых после выхода из состава СССР достаточно быстро и «безболезненно» установилась классическая парламентская республика. Остальные государства постсоветского пространства, пытающиеся также внедрить близкую к ней форму правления, столкнулись с серьезными политическими потрясениями и нестабильностью (например, Грузия и Киргизия). Успех прибалтийских стран при внедрении парламентской республики, эффективно функционирующей, в основном, на Западе, также можно объяснить, по нашему мнению, особенностями политической культуры и тяготением к европейским ценностям.

Одна из наиболее известных интерпретаций политической культуры была дана Л. Паем, который определял ее как совокупность убеждений и мнений, вносящих определенный порядок и наполняющих смыслом политический процесс, а также снабжающих политическую систему основополагающими установками и нормами, посредством которых осуществляется управление поведением [24].

А.А. Галкин, в свою очередь, определяет политическую культуру как «память» о прошлом общества, хранящуюся в законах, обычаях, оценках и подходах к общественным явлениям. Она представляет собой некий механизм, выполняющий функцию трансформации объективного интереса в представление о нем, посредством проведения последнего через сознание и, как следствие, влияющим на поведение людей [4, с. 13-17].

Концепт политической культуры позволяет проследить взаимосвязь между политическими и неполитическими установками и моделями развития посредством проведения демаркационной линии между ними. Понятие политической культуры помогает сконцентрироваться на установках, относящихся к политической системе и ее частям, а также представлениям о месте и роли личности в ней [1, с. 131].

Основываясь на вышесказанном, определим политическую культуру как систематизированную совокупность ценностных, когнитивных, аффективных, а также нормативных установок общества по отношению к политической системе, основанную на историческом опыте и зафиксированную в виде законов, обычаев, традиций и оценок, обуславливающих поведение.

Однако необходимо понимать, что политическая культура не должна восприниматься в качестве статичного явления или некой «окаменелости». Она также подвержена внешним воздействиям и, соответственно, изменениям. В процессе изменений политическая культура стремится, тем самым, уравновесить поведение и сознание с устоявшимися нормами взаимоотношений государства и общества [8, с. 83].

Динамичность политической культуры достаточно хорошо описана Г. Экстайном, который говорит о возможности ее преобразований в следующих случаях: 1) при эволюции политической системы, когда происходит постепенное преобразование паттернов поведения; 2) в случае культурного кризиса, исходом которого является смещение ценностных ориентиров и отказ от определенного пласта культурных установок [22].

Также можно привести точку зрения А.И. Соловьева, согласно которой, с наступлением информационной эпохи национальные политические культуры подвергаются изменениям под влиянием коммуникационных процессов, направленных на освоение формирующейся «мировой политической культуры». Правда, реакция национальных политических культур проявляется по-разному: от абсолютного неприятия инноваций до их беспрепятственной трансформации и адаптации [15].

Во многом, будучи согласными со сказанным относительно модифицируемости политической культуры, добавим только, что даже при восприятии инноваций и самых радикальных изменений, на наш взгляд, невозможно полное искоренение сущностного ядра национальных политических культур, которое представляет собой определенную совокупность уникальных черт, сохраняющую и придающую общественному сознанию особые идентификационные свойства.

Г. Алмонд и С. Верба в своей известной работе «Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах» описывают в качестве идеальной модели политической культуры ту, которая позволяет сохранить необходимый баланс между модернизацией и преемственностью. Подобное сочетание обозначается ими как «гражданская культура» [2, с. 18-26]. Отсю-

да, опять же, делается вывод, что учет политической культуры при формировании новых институтов является одним из важнейших условий их успешной адаптации и, в целом, трансформации политической системы.

По точному замечанию О.Ф. Шаброва, политическая культура влияет на структуру политической системы, приспособлявая и интегрируя элементы, еще не соответствующие требованиям политической культуры. Помимо этого, она устанавливает формат механизмов, посредством которых возможна модификация политической системы [17, с. 22].

Необходимо, при всём этом, понимать, что влияние политической культуры на политическую систему, на результаты ее трансформации и, наконец, на нововведенные формальные институты – это не односторонний процесс. Если политическая культура влияет на то, каким образом будут функционировать новые институты и на то, какой будет их содержательная сторона, то политические институты, в свою очередь, постепенно модифицируют политическую культуру. Именно им отводится основная роль в данном процессе [19].

Итак, политическая культура оказывает решающее влияние не только на формирование политической системы и ее институтов, но и на сам процесс функционирования последних. Было бы даже правильнее сказать, что политическая культура является определяющим фактором для эффективности новых институтов. С другой стороны, если учитывать тот неоспоримый факт, что культура любого общества уникальна, то каким образом должен производиться политический транзит, чтобы осуществляющиеся изменения соответствовали той или иной культуре? То есть, каким образом определить соответствие или максимальную схожесть собственной политической культуры (трансформирующегося общества) и политической культуры тех стран, у которых заимствуются институты? Ситуация усложнена еще и тем, что подавляющее большинство переходных обществ, с точки зрения их политической культуры, практически не имеют ничего общего с обществами, политическая система которых берется за образец. Последними, как известно, являются высокоразвитые западные державы.

Здесь, думается, целесообразно руководствоваться не степенью схожести политической культуры, а качеством выстраиваемой институциональной структуры. То есть, при ее формировании необходимо не только соблюдение новыми институтами условия функционального ретранслирования прежних институтов, как это было отмечено выше, но и сохранения некото-

рых прежних институтов, имеющих особое значение для общества, с внесением изменений в их функциональные характеристики в соответствии с перестраивающейся политической системой. Это и обеспечивает тот самый баланс между преемственностью и модернизацией, о котором говорят Г. Алмонд и С. Верба. Наиболее яркими примерами, иллюстрирующими соблюдение такого баланса, могут служить, в частности, Великобритания, Япония и Бельгия. В этих странах, сохранился прежний облик института главы государства, но изменились функциональные характеристики: глава государства не играет существенной роли в политическом процессе, но сохраняет роль символа нации, солидаризирующего общество.

Так, с момента обретения независимости, Бельгия, со всеми ее внутренними проблемами, сохраняла свою целостность. Сложнейшие противоречия между основными этнолингвистическими общинами (валлонской и фламандской), отягченные экономическим контрастом регионов, на протяжении десятилетий решались благодаря выстроенной федеративной модели, а также объединяющей силе политического символа нации – короля. В ноябре 2007 года в стране разразился кризис, поставивший страну на грань раскола и который уже не мог быть решен путем изменения государственного устройства, как это было в 60-е годы XX века, когда Бельгия осуществила переход от унитарного государства к федерации [3, с. 22]. Кризис 2007 года был преодолен («заморожен»), только после того, как в него вмешался глава государства [13, с. 14]. Для предотвращения новых угроз целостности государства, действующий на тот момент король Альберт II, не пользовавшийся популярностью среди бельгийцев, пошел даже на отречение от престола 21 июля 2013 года в пользу своего сына Филиппа. Официальной причиной такого решения была объявлена невозможность осуществления своих обязанностей по причине слабого здоровья. Однако, думается, что этот шаг был предпринят с целью сохранения единого государства и сплочения бельгийской нации.

Таким образом, несмотря на все противоречия, существующие в Бельгии на современном этапе между общинами и сложность этих противоречий, монарх по-прежнему остаётся главным фактором сохранения единого государства и служит поддержанию национального самосознания бельгийцев [20, с. 919].

В целом, успешность политического транзита и появление эффективных политических институтов в значительной степени зависит от заданного

вектора трансформации и учета всех особенностей общества, в которых осуществляются изменения. Как справедливо отмечает Я.А. Пляйс, эта важнейшая функция возложена на властвующую элиту, для которой «должны быть ясны цели и задачи преобразований, объективные и субъективные причины, побудившие отказаться от прежнего устройства общественной и государственной жизни, как эти причины устранить и многое, многое другое» [12, с. 27].

Подводя итоги, можно констатировать, что, несмотря на разительно меняющийся характер политического процесса во всем мире и, вместе с тем, усложняющиеся структуры политических систем, их институтов и, в целом, всю политическую сферу, фактор политической культуры остается важнейшей составляющей в жизни любого общества, которую невозможно игнорировать. Формирование новых политических институтов в период трансформации не может осуществляться без сохранения преемственности. Соответствие функциональных характеристик новых институтов политической культуре общества является не только залогом успешного политического транзита, но дальнейшего стабильного функционирования кардинально перестроившейся политической системы.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура (Подход к изучению политической культуры) (I) // Полития. 2010. №2.
2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. М., 2014.
3. Бирюков С.В. Бельгийский федерализм как модель кризиса европейского федерализма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. №4.
4. Буржуазное общество в поисках стабильности / А.А. Галкин, А.М. Салмин, С.В. Михайлов и др. М., 1991.
5. Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. Политические исследования. 2003. Т. 4. №4.
6. Жуков Д.С., Лямин С.К. Модель политико-институциональной модернизации Модернофрактал // Ineternum. 2011. №1.
7. Патрушев С.В. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М., 2006.

8. Логинов А.В., Яворская С.А. Политическая культура как подсистемный институт: анализ с позиций теории политического цикла и системной теории органического типа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №7-2(33).

9. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение (пер. Е.И. Николаенко) // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. №2.

10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики (пер. с англ. А.Н. Нестеренко). М., 1997.

11. Пивоваров Ю.С. Русская Власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // Полис. Политические исследования. 2006. Т. 1. №1.

12. Пляйс Я.А. Трансформация политических институтов и общественных структур современной России // Научно-аналитический журнал Обозреватель–Observer. 2009. №7(234).

13. Полякова А.А. Король Альберт II и политический кризис в Бельгии // Вестник гуманитарного научного образования. 2012. №2.

14. Сергаев Е.А. Модернизация и Российские институты: коридор возможных изменений// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2010. № 1.

15. Соловьев А.И. Коммуникация и культура: противоречия поля политики // Полис. Политические исследования. 2002. Т. 6. №6.

16. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. 2007. №2(10).

17. Шабров О.Ф. Политическая система: структура, типология, устойчивость. М., 1993.

18. Шестопал Е.Б. Авторитарный запрос на демократию, или почему в России не растут апельсины // Полис. Политические исследования. 2004. Т. 1. №1.

19. Alesina A., Giuliano P. Culture and institutions // Journal of Economic Literature. 2015. Vol. 53. №4.

20. Billiet J., Maddens B., Frogner A. P. Does Belgium (still) exist? Differences in political culture between Flemings and Walloons // West European Politics. 2006. Vol. 29. №5.

21. Borowski A. et al. Confidence in social institutions in the post-communist countries // *International Letters of Social and Humanistic Sciences*. 2014. № 25.
22. Eckstein H. A culturalist theory of political change // *American Political Science Review*. 1988. Vol. 82. №3.
23. Hodgson G. M. What Are Institutions? // *Journal of Economic Issues*. 2006. Vol. XL. №1.
24. Pye L. Political culture // *International encyclopedia of the social sciences*. 1968. Vol. 12.

References

1. Almond G., Verba S. *Grazhdanskaya kul'tura (Podkhod k izucheniyu politicheskoi kul'tury)(I)*. Politiya. 2010. №2.
2. Almond G., Verba S. *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh*. per. s angl. E. Gendelya. M., 2014.
3. Biryukov S.V. Bel'giiskii federalizm kak model' krizisa evropeiskogo federalizma. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2009. №4.
4. *Burzhuznoe obshchestvo v poiskakh stabil'nosti*. A.A. Galkin, A.M. Salmin, S.V. Mikhailov i dr. M., 1991.
5. Gel'man V.Ya. *Institutsional'noe stroitel'stvo i neformal'nye instituty v sovremennoi rossiiskoi politike*. Polis. *Politicheskie issledovaniya*. 2003. T. 4. №4.
6. Zhukov D.S., Lyamin S.K. *Model' politiko-institutsional'noi modernizatsii*. Modernofraktal. Ineternum. 2011. №1.
7. Patrushev S.V. *Institutsional'naya politologiya: Sovremennyi institutsionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii*. M., 2006.
8. Loginov A.V., Yavorskaya S.A. *Politicheskaya kul'tura kak podsistemnyi institut: analiz s pozitsii teorii politicheskogo tsikla i sistemnoi teorii organicheskogo tipa*. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. №7-2(33).
9. Nort D. *Instituty i ekonomicheskii rost: istoricheskoe vvedenie* (per. E.I. Nikolaenko). *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem*. 1993. №2.

10. Nort D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki (per. s angl. A.N. Nesterenko). M., 1997.
11. Pivovarov Yu.S. Russkaya Vlast' i publichnaya politika (Zametki istorika o prichinakh neudachi demokraticeskogo tranzita). Polis. Politicheskie issledovaniya. 2006. T. 1. №1.
12. Plyais Ya.A. Transformatsiya politicheskikh institutov i obshchestvennykh struktur sovremennoi Rossii. Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel'–Observer. 2009. №7(234).
13. Polyakova A.A. Korol' Al'bert II i politicheskii krizis v Bel'gii. Vestnik gumanitarnogo nauchnogo obrazovaniya. 2012. №2.
14. Sergaev E.A. Modernizatsiya i Rossiiskie instituty: koridor vozmozhnykh izmenenii. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 2010. № 1.
15. Solov'ev A.I. Kommunikatsiya i kul'tura: protivorechiya polya politiki. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2002. T. 6. №6.
16. Khelmke G., Levitski S. Neformal'nye instituty i sravnitel'naya politika: osnovnye napravleniya issledovaniy. Prognosis. 2007. №2(10).
17. Shabrov O.F. Politicheskaya sistema: struktura, tipologiya, ustoychivost'. M., 1993.
18. Shestopal E.B. Avtoritarnyi zapros na demokratiyu, ili pochemu v Rossii ne rastut apel'siny. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2004. T. 1. №1.
19. Alesina A., Giuliano P. Culture and institutions. Journal of Economic Literature. 2015. Vol. 53. №4.
20. Billiet J., Maddens B., Frogner A. P. Does Belgium (still) exist? Differences in political culture between Flemings and Walloons. West European Politics. 2006. Vol. 29. №5.
21. Borowski A. et al. Confidence in social institutions in the post-communist countries. International Letters of Social and Humanistic Sciences. 2014. № 25.
22. Eckstein H. A culturalist theory of political change. American Political Science Review. 1988. Vol. 82. №3.
23. Hodgson G. M. What Are Institutions?. Journal of Economic Issues. 2006. Vol. XL. №1.
24. Pye L. Political culture. International encyclopedia of the social sciences. 1968. Vol. 12.